

«Кончено, кончено! я побеждён...»

Category: Goşgular, Kitarcu

написано kitarcu | 25 января, 2025

«Кончено, кончено! я побеждён...» «КОНЧЕНО, КОНЧЕНО! Я ПОБЕЖДЁН...»

Кончено! кончено! Я побежден.

– Смейтесь!

Погас, погас весенний сон...

Листья осенние, вейтесь!

Медленно всходит былая луна,

Всходит...

Горит в огнях, горит волна;

Челнок опрокинутый бродит.

Утром наляжет на ропотный лес

Иней,

И, все в крови, – укор небес –

Солнце взойдет над пустыней.

17 декабря 1895 г.

• **Ассаргадон**

(Ассирийская надпись)

Я – вождь земных царей и царь, Ассаргадон.

Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.

Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,

Элам читал судьбу в моем едином взоре,

Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.

Владыки и вожди, вам говорю я: горе.

Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?
Деянья всех людей – как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах – как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь – Ассаргадон.

17 декабря 1897 г.

• Краски

Я сегодня нашел свои старые краски.
Как часто взгляд на забытый предмет
Возвращает все обаянье ускользнувших лет!
Я сегодня нашел мои детские краски...
И странный отрок незванно ко мне вошел
И против меня уверенно сел за стол,
Достал, торопясь, тяжелую тетрадь...
Я ее не мог не узнать:
То были мои забытые, детские сказки!

Тогда я с ним заговорил; он вздрогнул, посмотрел
(Меня не видел он, – я был для него привиденьем),
Но через миг смущенья он собой овладел
И ждал, что будет, с простым удивленьем.
Я сказал: «Послушай! я тебя узнаю.
Ты – это я, я – это ты, лет через десять...»
Он засмеялся и прервал: «Я шуток не люблю!
Я знаю лишь то, что можно измерить и взвесить.
Ты – обман слуха, не верю в действительность твою!»

С некоторым гневом, с невольной печалью
Я возразил: «О глупый! тебе пятнадцать лет.
Года через три ты будешь бредить безвестной далью,
Любить непонятное, стремиться к тому, чего нет.
Вселенная жива лишь духом единым и чистым,
Материя – призрак, наше знание – сон...»
О боже, как искренно надо мной рассмеялся он,

И я вспомнил, что был матерьялистом и позитивистом.

И он мне ответил: «О, устарелые бредни!
Я не верю в дух и не хожу к обедне!
Кто мыслит, пусть честно служит науке!
Наука – голова, а искусство – руки!»
«Безумец! – воскликнул я, – знай, что ты будешь верить!
Будешь молиться и плакать пред Знаком креста,
Любить лишь то, где светит живая мечта,
И все проклянешь, что можно весить и мерить!»

«Не думаю, – возразил он, – мне ясна моя цель.
Я, наверно, не стану петь цветы, подобно Фету.
Я люблю точное знание, презираю свирель,
Огюст Конт навсегда указал дорогу поэту!»
«Но, друг, – я промолвил, – такой ли теперь час?
От заблуждений стремятся все к новому свету!
Тебе ли вновь повторять, что сказано тысячу раз!
Пойми тайны души! стань кудесником, магом...»
«Ну, нет, – он вскричал, – я не хочу остаться за флагом!»

«Что за выражения! ах да! ты любишь спорт...
Все подобное надо оставить! стыдись, будь же горд!»
«Я – горд, – он воскликнул, – свое значение я знаю.
Выступаю смело, не уступлю в борьбе!
Куда б ни пришел я, даже если б к тебе, –
Приду по венкам! – я их во мгле различаю!»

И ему возразил я печально и строго:
«Путь далек от тебя ко мне,
Много надежд погибнет угрюмой дорогой,
Из упований уступишь ты много! ах, много!
О, прошлое! О, юность! кто не молился весне!»

И он мне: «Нет! Что решено, то неизменно!»
Не уступлю ничего! пойду своим путем!
Жаловаться позорно, раскаянье презренно,
Дважды жалок тот, кто плачет о былом!

Он стоял предо мной, и уверен и смел,
Он не видел меня, хоть на меня он смотрел,
А если б увидел, ответил презреньем,
Я – утомленный, я – измененный, я – уступивший судьбе,
Вот я пришел к нему; вот я пришел к себе! –
В вечерний час пришел роковым привиденьем...

И медленно, медленно образ погас,
И годы надвинулись, как знакомые маски.
Часы на стене спокойно пробили час...
Я придвинул к себе мои старые, детские краски.

17 декабря 1898 г.

• Сказание о разбойнике

Из Пролога

Начинается песня недлинная,
О Петре, великом разбойнике.

Был тот Петр разбойником тридцать лет,
Меж товарищей почитался набольшим,
Грабил поезда купецкие,
Делывал дела молодецкие,
Ни старцев не щадил, ни младенцев.

В той же стране случился монастырь святой,
На высокой горе, на отвесной, –
Меж землей и небом висит, –
Ниоткуда к монастырю нет доступа.

Говорит тут Петр товарищам:
«Одевайте меня в платье монашеское.
Пойду, постучусь переходим странником,
Ночью вам ворота отопру,
Ночью вас на грабеж поведу,
Гей вы, товарищи, буйные да вольные!»

Одевали его в платье монашеское,

Постучался он странником под ворагами.
Впустили его девы праведные,
Обласкали его сестры добрые,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.

Сидит разбойник за трапезой,
Ласке-любви сестер удивляется,
Праведными помыслами их смущается,
Что отвечать, что говорить – не знает.

А сестры близ в горенке собирались,
Говорили меж собой такие слова:
«Видно, гость-то наш святой человек,
Такое у него лицо просветленное,
Такие у него речи проникновенные.
Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у нас сестра слепенькая.
Не омыть ли ей зрак той водицею?»

Призывали они сестру слепенькую,
Омывали ей зрак той водицею, –
И прозрела сестра слепенькая.
Тут все бежали в горенку соседнюю,
Падали в ноги все пред разбойником,
Благодарили за чудо великое.

У разбойника душа смутилася,
Возмутилася ужасом и трепетом.
Творил и он – земной поклон,
Земной поклон перед господом:
«Был я, господи, великим грешником,
Примешь ли ты мое покаяние!»

Тут и кончилась песня недолгая.
Стал разбойник подвижником,
Надел вериги тяжелые,
По всей земле прославился подвигами.

А когда со святыми преставился, —
Мощи его и поныне чудеса творят.

17 декабря 1898 г.

• **Дворец Центромашин**

Из тьмы, из бездн иных столетий,
Встает, как некий исполин,
Величествен в недвижимом свете,
Центродворец мотомашин.

Сталь ребер он согнул высоко,
До облаков внес два плеча;
Циклопа огненное око
Слепит неистовством луча.

Хребет залег, горе подобный,
Стеклянной чешуей повит;
Но днем и ночью жар утробный
Сквозь тело тусклое разит.

Растя до звезд, он в глуби вдвинут,
В земные недра тяжело врос,
И горны легких не остынут,
Дыша в просторы гулом гроз.

Кипит расплавленное чрево,
Дрожит натруженная грудь,
Крутясь, из алчущего зева
Исходит в дымном клубе муть.

Огромной грудой угля сытый,
Дракон бескрылый, не устань!
Над распрями стихий — гуди ты
Призыв на вековую брань!

Вращайтесь, мощные колеса,
Свистите, длинные ремни,
Горите свыше, впрямь и косо,

Над взмахами валов огни!

Пуды бросая, как пригоршни,
В своем разлете роковом,
Спешите, яростные поршни,
Бороться с мертвым естеством!

А вы, живые циферблаты,
Надменно-медленным перстом,
Безумьем точности объята,
Вносите молча над числом!

Здесь – сердце города, здесь – в жилы
Столицы льются, вновь и вновь,
Незримо зиждущие силы,
Ее божественная кровь;

Чтоб город жил в огнях оконных,
В пылани лун на площадях;
Чтоб гром трамваев неуклонных
Не молк на спутанных путях;

Чтоб в кино быстрые картины
Сменялись в мерной чередѣ;
Чтоб дружно лязгали машины,
Пот нефтяной струя в труде!

Ревя, зверь мощный, множь удары,
Шли токи воль, не ослабей,
Чтоб город, создатель старый,
Дышал свободно грудью всей,

Чтоб он, тебе придав заботы,
Тобой храним на всем пути,
За грань, сквозь толщу тайн, в высоты,
Мог мысль победную взнести!

17 декабря 1920 г. Goşgular